

Кузькин Алексей Петрович

д-р экон. наук, профессор

Лаврентьев Максим Владимирович

канд. юрид. наук, доцент

ЧУОО ВО «Саратовский медицинский университет РЕАВИЗ»

г. Саратов, Саратовская область

**ТАШКЕНТСКАЯ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКАЯ КОЛОНИЯ
ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1909–1911 гг.)**

Аннотация: статья посвящена истории одного из малоизвестных приютов для несовершеннолетних правонарушителей – Ташкентской земледельческой колонии Туркестанского края Российской империи в период с 1909 по 1911 год. Сообщаются данные о деятельности приюта в первой части его существования. Авторами описано устройство приюта, внутренняя обстановка, дальнейшая судьба воспитанников колонии.

Ключевые слова: Туркестанский край, Ташкент, несовершеннолетние правонарушители, воспитательно-исправительные заведения, пенитенциарная педагогика, земледельческая колония.

Дело борьбы с преступлениями малолетних и несовершеннолетних в Российской империи второй половины XIX – начало XX в. было отдано в руки широкой общественности и частной благотворительности. По закону от 5 декабря 1866 г. благотворительные общества могли открывать специализированные заведения для исправления несовершеннолетних правонарушителей и возвращения их в ряды законопослушных граждан. По всей стране стали возникать воспитательно-исправительные заведения: Московский Рукавишниковский приют, Санкт-Петербургская земледельческая колония, Саратовский Галкинский учебно-исправительный приют и другие, в том числе Ташкентская земледельческая колония.

Ташкентская земледельческая колония для несовершеннолетних правонарушителей была основана в 1902 г. Но о ней ничего не было известно, ни в каких материалах Съездов представителей русских воспитательно-исправительных заведений о ней ничего не сообщалось. Более того, ежегодные отчеты Ташкентской земледельческой колонии, по строгому указанию Министерства Юстиции Российской империи не печатались, поэтому ранние годы существования данного воспитательно-исправительного заведения отследить невозможно.

Поэтому лишь в трудах Восьмого Съезда представителей состоящих под Высочайшим покровительством Его Императорского Величества Государя Императора русских воспитательно-исправительных заведений для несовершеннолетних можно найти сведения о Ташкентской земледельческой колонии.

Главной задачей Ташкентской земледельческой колонии было «образовать из несовершеннолетних, помещаемых в нее по определениям и приговорам суда, честных, знающих и трудолюбивых земледельцев и ремесленников. Указанная цель достигается правильным религиозным, нравственным, умственным и физическим воспитанием и практическим земледельческо-ремесленным обучением, которое давало бы возможность ее питомцам, по выходе их из заведения, добывать себе честным трудом достаточные средства существования. Главными средствами к достижению вышеуказанной цели должны служить: личное влияние директора, законоучителей и воспитателей, элементарное образование, практическое обучение разным сельскохозяйственным производствам и необходимым ремеслам, а также правильная простая и трудовая жизнь в заведении» [2, с. 125].

В 1908 в колонии произошло экстраординарное событие – был убит директор колонии Михалевский. «Ужасом веет от рассказа директора Ташкентского приюта о том, как он при вступлении своем в должность нашел своего предшественника распростертым на полу в луже крови. Директора убили его собственные воспитанники. Какова была причина этого убийства, из рассказа нынешнего директора выяснить не удалось. Нынешний директор отзывается о своем предшественнике, как о человеке гуманном, рассказывает о какой-то оппозиции, руководимой одним из воспитателей. Бесомненно, порядка в этом приюте не было.

Из 10 воспитанников в момент убийства были два, остальные были в бегах. Это то последние и обвиняются в убийстве директора, из них двое осуждены на каторжные работы. Очевидно, много должно было накопиться горючего материала, раньше чем воспитанники решились на такой шаг» [1, с. 100].

События с 1909 г. стали развиваться в привычном, спокойном русле. После трагических происшествий, произошедших в конце 1908 г. (убийство директора колонии, кражи, порча имущества и т. д.) новому директору Ташкентской колонии, А.Н. Кольтюгину, по всей видимости, удалось наладить жизнь в колонии.

Педагогический состав колонии сводился к директору колонии (он же учитель), который получал 900 руб. в год (немалая зарплата в те годы), при этом оплачивались помещение и освещение, а также к помощнику директора, получивший образование в ремесленном училище. Жалованье помощника директора простиралось до 300 рублей год «на всем готовом». «Сверх того, на службе колонии состоит кухарка, получающая 144 рубля в год; работник же нынешним директором рассчитан, так как при наличии 8–10 воспитанников в колонии, труд его является излишним. Все хозяйственные работы исполняются самими воспитанниками» [2, с. 127].

Быт воспитанников колонии практически ни в чем не отличался от быта простых крестьян. Поэтому, распределение дня и работ, домашних и земледельческих, так и само содержание воспитанников, их одежда, пища и прочее были согласованы с условиями жизни «сельских обывателей».

Воспитанники колонии разделялись на семьи или группы. «Самые младшие по возрасту выделяются в особую семью. В особую семью выделяются также питомцы исправляющиеся, но могущие еще поддаться дурному влиянию. Наконец, третью группу представляют собою воспитанники надежные, вниманию которых поручаются новички и те, которые по отрицательным качествам еще не могут быть определены во вторую группу» [2, с. 127].

Цели, которые преследовали руководство колонии, воспитание в ней стремилось, главным образом, к тому, «чтобы готовить из ее питомцев самосто-

ятельных хозяев – земледельцев и давать им возможность вводить в свое хозяйство все производства и улучшения, которые способны возвысить ее доходность» [2, с. 127].

Соответственно этому, земледельческое образование воспитанников колонии заключалось «в практическом, наиболее пригодном и полезном в Туркестанском крае, как-то: полеводству, скотоводству, садоводству, огородничеству...» [2, с. 127].

При колонии имелся сад, площадью 8 десятин (около 8 га), который обрабатывался исключительно воспитанниками колонии. Сад приносил дохода ежегодно до 1 500 рублей. По словам директора колонии, «особенное внимание директора и всего персонала должностных лиц колонии, обращается на нравственное воспитание несовершеннолетних» [2, с. 127].

Естественно поведение воспитанников и дисциплина в колонии были не идеальны. Для нарушителей предусматривались следующие взыскания: «1) выговору наедине; 2) публичному выговору; 3) недопущению к играм; 4) занятию работами отдельно от товарищей, и 5) помещению в светлый карцер на одни сутки, а с разрешения почетного попечителя колонии до семи суток – в крайних случаях с содержанием на хлебе и воде, на срок не более одних суток. наказания могут быть налагаемы условно с тем, что при безупречном поведении совершившего проступок в течение определенного времени, назначенное наказание не будет подлежать исполнению» [2, с. 127–128].

На практике же, директор колонии применял лишь одну меру наказания – лишение данного воспитанника «своего расположения». «При этом директор избегает лично обращаться к этому воспитаннику, помещать его возле себя во время работ, в которых директор всегда принимает активное участие, и т. п.» [2, с. 128].

Опыт показывал, что такое наказание для воспитанника бывало иногда очень чувствительным и достигало хороших результатов, «в смысле удержания от повторения дурных поступков. О поведении каждого питомца и прилежании

его в школе и на работах ведутся особые тетради, куда заносятся и налагаемые взыскания» [2, с. 128].

Поощрения и награды воспитанникам за хорошее поведение и трудолюбие состояли в оказании особого доверия.

Обращение ко всем воспитанникам в колонии было только на «вы». Меры воздействия, «принимаемые к наиболее испорченным, сводятся только к одному: помещению их во время работ в среду наиболее благонадежных воспитанников» [2, с. 128].

Образование, которое давали воспитанникам Ташкентской колонии, заключало в себе: «1) Закону Божию, по правилам того вероисповедания, к которому принадлежит воспитанник; 2) чтению, письму и черчению; 3) начала арифметики; 4) общим понятиям о естествознании, сообщаемым преимущественно в виде объяснений при производстве сельскохозяйственных и технических работ, и 5) сообщаемым питомцам, в виде бесед, важнейшим сведениям о государственном устройстве, географии и истории России» [2, с. 128].

Правда, определенной программы не было, при обучении перечисленным предметам, директор применялся к познаниям и способностям каждого данного воспитанника.

Ремесленное обучение имело целью дать воспитанникам колонии знание тех ремесел, которые были необходимы преимущественно в сельском хозяйстве. «В случае проявления питомцем особой склонности или способности к отдельному роду земледельческих и ремесленных занятий, колония принимает все меры к развитию их и к доведению питомца до возможной степени совершенства в том роде занятий» [2, с. 128].

Среди ремесел в колонии были следующие: столярное, кузнечно-слесарное и гончарное.

Время дня распределялось в Ташкентской земледельческой колонии следующим образом: «летом, т.е. в период земледельческих работ, воспитанники встают в 5–5 ½ часов утра. Для утреннего чая они должны умыться, одеться, по-

молиться, убрать помещение и провести поливку овощей. Затем после чая следуют: до 11 ½ часов земледельческие работы, в 12 часов обед, после обеда, в течение 2 1/2, а в особо жаркое время, и в течение 4 часов, отдых. С октября по март рабочий день начинается несколько позже, причем в этот период времени после чая происходят классные занятия, а после отдыха – работы в мастерских» [2, с. 128 – 129].

В составе воспитанников колонии были дети разных национальностей: русские, таджики, киргизы, узбеки, кашгары и даже один русин. «С воспитанниками, не понимающими при поступлении их в колонию по-русски, директор говорит сначала по-сартски, пока воспитанник эти не научатся по-русски» [2, с. 129]. Обучались воспитанники русскому языку довольно скоро.

Всего за три года из колонии вышло пять воспитанников, из которых два оставили колонию за достижением возраста, а трое досрочно.

Патронат над выпускаемыми воспитанниками осуществлялся на основании устава колонии и порядок его сводился к следующему: «в случае признанного директором, по соглашению с почетным попечителем и воспитателями колонии, исправления питомца, помещенного по определению или приговору суда, директор представляет о том Комитету Общества со своим заключением о способе устройства освобождаемого на свободе и о размере денежного пособия, которое он полагал бы выдать ему для первоначального его обеспечения. Комитет, признав возможным освободить несовершеннолетнего, согласно с представлением директора, избирает одного члена общества, с его согласия, для надзора за освобождаемым на свободе. В случае отправления несовершеннолетнего в такую местность, где нет членов общества, Комитет входит в сношение с местными благонадежными лицами, которые могут принять на себя заботы по наблюдению за освобождаемым для оказания ему необходимой помощи, в случае нужды в том» [2, с. 129].

Комитет Общества подходил избирательно к дальнейшей судьбе воспитанника. «Распоряжение об освобождении несовершеннолетнего делается Комитетом не ранее, как по получении уведомления о том, на какое место или в чью

семью несовершеннолетний может быть помещен. Часть денежного пособия, назначенного Комитетом, может быть выдана освобожденному на руки, а остальная часть передается наблюдающему за ним члену общества для выдачи, по мере надобности» [2, с. 129].

Если бывший воспитанник колонии, освобожденный, но не достигший восемнадцати лет был замечен в «дурном» поведении, то Комитет Общества, «по рассмотрении в присутствии директора колонии, сведений по сему предмету, а если в том представляется надобность, то и по соображении дополнительных сведений одним из членов Комитета или Общества, постановляет о возвращении освобожденного обратно в колонию» [2, с. 129].

Несовершеннолетние беспризорные могли быть оставлены в колонии, с их согласия, по достижении ими 21 года, «если ранее сего они не будут переданы на попечение благонадежных родственников или устроены на места» [2, с. 129].

По утверждению А.Н. Кольтюгина, директора Ташкентской земледельческой колонии для несовершеннолетних правонарушителей, «результаты указанного покровительства самые благоприятные. Так, один из выпущенных воспитанников выразил сам желание остаться при колонии, другой был помещен на приличное место на железной дороге, третий женился и работает на заводе, получая 50 рублей в месяц жалованья» [2, с. 129].

Ташкентская колония находилась в 15 верстах от города Ташкента, «в местности, представляющейся в зимние месяцы совершенно пустынной. Помещение колонии состоит из двух корпусов и рассчитано на 20 человек. В настоящий момент налицо в колонии 15 воспитанников, а в бегах 6. Содержание всего приюта обходится ежегодно в 4 000 рублей» [2, с. 130].

История Ташкентской земледельческой колонии для несовершеннолетних правонарушителей требует дальнейшего изучения, новых сведений о ее деятельности.

Список литературы

1. Мышкин В.С. VIII-й съезд представителей русских воспитательно-исправительных заведений (Санкт-Петербург, 16–23 октября 1911 г.) (Из сообщения,

сделанного 14-го ноября в Психо-Неврологическом Институте в семинарии профессора Гогеля по уголовной социологии) / В.С. Мышкин // Вестник психологи, уголовной антропологии и гипнотизма. – 1911. – №5.

2. Труды Восьмого съезда представителей состоящих под Высочайшим покровительством Его Императорского Величества Государя Императора русских воспитательно-исправительных заведений для несовершеннолетних (Санкт-Петербург, октябрь 1911 г.). – СПб.: Типография Санкт-Петербургской одиночной тюрьмы, 1913.